Как опоздать на собственную смерть

Автор:
Евгений Сивков

Как опоздать на собственную смерть

Евгений Владимирович Сивков

С помощью приемов художественной литературы автор доносит до читателя огромный объем серьезной научной информации. Данные новейших исследований, научные гипотезы, факты, уже давно получившие научное подтверждение, переплетены с динамичным и захватывающим повествованием. Книгу можно рассматривать как сборник технологий по сохранению молодости, достаточно лишь внимательно ее прочитать. Автор поднимает множество вопросов, начиная бессмертием и заканчивая происхождением жизни на Земле, но главное, за что стоит ценить это произведение – это оптимизм и любовь к близким.

Все, что изложено в этой книге, является авторской интерпретацией огромного количества научной и научно-популярной информации, собранной из различных источников и поданной в художественной форме.

Вымышленные герои произведения на протяжении повествования сталкиваются с фактами, давно признанными мировым сообществом, что делает данную книгу уникальной с точки зрения подачи серьезной информации в форме научно-популярного рассказа.

Глава 1. О призраках

…на небе ни облачка. Океан спокоен и бесконечен. При ярком свете он кажется хрустально-прозрачным и легко касается боком небесной синевы. еле различимый горизонт запорошен робкой дымкой, а бодрый ветерок гуляет по бескрайнему простору, играя волнами. Лаконичный пейзаж, как и положено, дополняет красавица яхта. Она гордо идет по ветру, уверенно рассекая волны своей грудью, но вот неожиданный порыв вдыхает новую жизнь в ее паруса, судно осуществляет маневр и продолжает движение, только теперь уже в обратном направлении.

Яхтой никто не управляет. Солнце заливает палубу, поблескивает золотом то тут, то там, подчеркивая и без того заметные невооруженным глазом роскошь и хороший вкус хозяина. Приблизившись, можно разглядеть дорогую отделку, пушистые полотенца на шезлонгах, а оказавшись еще ближе – бокалы с шампанским и вазы с фруктами.

Но что-то не так. При всей безмятежности в воздухе витает странное ощущение опасности. Глаз пытается выхватить всё более мелкие детали и натыкается на спящего тойтерьера. Песик валяется на палубе, неестественно раскинув тоненькие ножки. нет, он не спит. Остекленевшие глаза смотрят не мигая, язык вывалился изо рта, пена присохла к доскам. Он издох… Причем довольно давно. Оторопь охватывает от этого зрелища, а взгляд судорожно ищет что-то, что опровергнет или подтвердит страшные догадки. Так вот же оно. Будто стараясь погладить тойтерьера, из-за рубки тянется женская рука. Холеные пальцы украшают дорогие кольца, рукав шелковой блузы элегантно откинут, видны бледная аристократическая кожа и большой золотой браслет с бриллиантами. Вот только хозяйки руки нигде не видно. рука валяется здесь сама по себе, а в районе плеча кремовая блуза перепачкана чем-то темно-бурым. Это запекшаяся кровь. Тела нигде не видно, но по хаотично разбросанным на палубе кускам кремовой материи становится понятно, что его просто разорвало в клочья. За несколько дней кровь высохла, и раскраска палубы стала пятнистой, что издалека можно даже принять за креативный дизайн. Вскоре придирчивый взгляд находит и другие свидетельства трагедии. Тела остальных пассажиров уже нельзя назвать телами. Это бесформенные разлагающиеся массы мертвой плоти. Они, то ли изуродованы страшным чудовищем, порвавшим их на куски и разбросавшим недоеденные останки по палубе, то ли стали жертвами мощного взрыва, уничтожившего все живое. а вот мертвая птица. а рядом не мертвая – умирающая.

Буквально минуту назад, прельстившись легкой добычей, она спикировала на палубу. ничего не подозревающая чайка не успела сделать даже пару клевков. несчастную птицу практически вывернуло наизнанку. Пена и кровь показались из клюва, а потом и непонятная черно-красная масса, до этого бывшая ее желудком, сердцем и прочими внутренними органами. Бедолага будто кипит внутри и умирает в страшных страданиях. если задаться целью, то на палубе можно обнаружить еще много таких же страдалиц в разной степени разложения. Попав сюда, они все исполнили один и тот же страшный ритуал, итогом которого была гибель. Все живое, приближаясь к судну, прощается со своей жизнью. Мертвый корабль окутывает облако смрада. Пахнет даже вода. Как банки, привязанные к машине новобрачных, серебристым шлейфом тянутся за кораблем дохлые рыбы. Попытки соплеменников подкормиться приводят к одному и тому же результату – вода в изобилии принимает рыбьи кишки, хвосты и плавники, изуродованные рыбьи тела в предсмертной агонии барахтаются возле яхты, дополняя общую картину ужаса.

Яхта плывет. Еще один поворот. Куда теперь гонит ее ветер? К каким берегам белоснежная красавица несет вместе со зловонием свой обезображенный груз? Но пока яхта плывет…

Глава 2. Загробный мир

Будний день, вечер. Алена надеялась, что перелет из Милана в Москву на самолете итальянской компании Alitalia позволит ей еще разок подумать о последних событиях ее жизни.

– Будто мне недели не хватило! – посмеивалась она над своим намерением.

Итак, несколько стандартных телодвижений: сумка под кресло впереди, небольшой чемоданчик, не дожидаясь помощи, в багажную полку над головой, усесться в кресло, заранее застегнуть ремень. А теперь выдохнуть. Всё! Она на месте! Можно оглядеться…

Так она и сделала. Довольно пустой салон предвещал спокойный полет. Ни шумных компаний, ни привередливых пассажиров, которые будут надоедать стюардессам и напрягать всех остальных. Что ж, а теперь…

Ее взгляд упал на кресло у окошка.

– Так… – отметила она про себя, – а «вечер перестает быть томным». То есть скучным – по соседству от нее сидел мужчина. Алене хватило нескольких секунд, чтобы оценить «объект»: на вид лет тридцать, хотя, возможно, и меньше. Хорошо сложен, форму поддерживает, дорогой костюм говорит о том, что перед ней состоявшийся… скорее всего бизнесмен. Неплохо для начала. Странным показалось только одно: мужчина с детским восторгом реагировал на все происходящее вокруг. Но кто знает, быть может, ей это только показалось.

Алена скрыла свой интерес и приготовилась к развитию событий, ведь если две «сюжетные линии» сходятся в одной точке, значит, что-то обязательно произойдет. Так всегда рассуждала девушка. И очень скоро она поняла, что и на этот раз не ошиблась.

Не угадала она другое.

Спустя минут пятнадцать самолет подвергся нашествию возбужденной толпы. Это были представители российской делегации. Алена оцепенела, узнав цель их визита в Италию. Из громких разговоров и рекламных проспектов, торчащих из тяжеленных сумок, она вдруг поняла, что едут они ни много ни мало с «гробовой» выставки. В подтверждение наблюдений один из пассажиров сунул ей практически в нос толстый глянцевый каталог, название которого в переводе с итальянского означало что-то вроде «Загробный мир».

Алена поежилась. Она не страдала аэрофобией[1 - Аэрофобия (лат. aerophobia, от др.-греч. ??? – «воздух» и ????? – «страх») – боязнь полетов на летательных аппаратах.], но полет в такой компании невольно наводил на мрачные мысли. В довершение всего ей «безмерно повезло» со вторым соседом.

«Кажется, я попала!» – подумала Алена, с опасением поглядывая на уже слегка раскрепощенного алкоголем паренька. Он на «все сто» был не против пообщаться с «милыми дамами» и, устраиваясь на своем месте, без всякого стеснения разглядывал Алену, как хомяка в аквариуме.

– Вот черт! – выругалась Алена. – Он же мне весь полет будет мозг выносить. Нет чтобы тот, у окошка, оказался таким общительным, – расстраивалась девушка.

Шумные пассажиры наконец-то расселись по местам. Стюардессы выдохнули с облегчением. Натужный гул моторов оторвал самолет от земли, все дружно пережили взлет и, расслабившись, занялись своими делами. То есть продолжили громко обсуждать увиденное, делиться впечатлениями и потихоньку заправляться выпивкой, принесенной из дьюти-фри.

В оценке своего соседа справа Алена не ошиблась. Отхлебывая текилу, он становился все более раскрепощенным. Паренек не дождался от симпатичной пассажирки «тайных знаков», которыми, по его мнению, все женщины завлекают понравившихся мужчин. В том, что он ей понравился, сомнений у парня даже не возникло. И тут наш авиационный Казанова решил перейти в открытое наступление.

– А ты знаешь, кто я? – пассажир гордо смотрел на соседку.

Не особо горя желанием стать хранителем этой тайны, Алена изобразила безразличие.

– Димон! – пассажир оглянулся назад и поискал глазами этого самого Димона. Тот оказался на кресле сзади.

– Димон! Вот подтверди, а то девушка не верит, что я самый известный танатолог[2 - Танатолог – специалист по танатологии; занимается изучением смерти, ее причин, механизмов и признаков.] в стране.

Димон рассмеялся и что-то пробурчал в ответ.

– Ну и фиг с тобой! – обиделся «самый известный танатолог в стране».

– Я с самой Смертью общаюсь на «ты», а он только тапочки да подушки для своих клиентов выбирает, – произнес он, обращаясь уже к Алене.

Алена подняла глаза к потолку.

– А можно без этих подробностей?

Непроизвольно Алена старалась отодвинуться подальше от назойливого парня.

– Нет! Но вы поймите! Я занимаюсь такими проблемами, которые всех рано или поздно коснутся! И вас, кстати, тоже! А вы не хотите слушать! – почти со злостью проговорил сосед.

– Димон! – он опять оглянулся, не нашел товарища на месте, подскочил и проследовал в хвост самолета. Видимо, текила попросилась наружу.

– Хоть пять минут от него отдохну, – вслух обрадовалась Алена.

– Вас спасти? – второй сосед с улыбкой глядел на нее.

– Полцарства за коня и любое желание за спасение! – ответила «несчастная жертва».

– Ух, ты! – на лице мужчины отразились интерес и удивление. – Тогда ловлю вас на слове.

Алена кивнула, а ее вероятный спаситель поднялся с кресла и тоже направился в хвост.

Он столкнулся с танатологом у туалета.

– А ничего девчонка? – парень сопроводил фразу глупым подмигиванием.

– Ничего! – согласился мужчина. – А ты знаешь, что это моя жена?

– Да ты что! – испугался собеседник.

– Просто мы сейчас немного повздорили, вот она со мной и не разговаривает.

– А-а-а! – расстроенно протянул танатолог и как-то разом поник.

Оба вернулись на свои места.

Когда они расселись, Алена заметила странную перемену в своем назойливом соседе. Теперь он даже не смотрел в ее сторону и делал вид, что пол в проходе для него куда более привлекателен, чем его соседка. Вскоре он сладко захрапел.

Алена и обрадовалась, и удивилась. Как понимать такую перемену, она не знала.

– Не удивляйтесь! —другой ее сосед ответил на эти мысли.

– Вы его… заколдовали?

– Нет, но есть один способ! – улыбнулся он.

– Скажите!

– Услуга за услугу! Помните?

– Идет! – развеселилась Алена. – Что я должна сделать в обмен на тайну моего спасения?

– Я дам вам прочитать один текст, а вы дадите оценку.

– О’кей! Дашь-на-дашь получается! – рассмеялась Алена. – И как вы меня вычислили?

Сосед удивленно поднял брови.

– Я главред журнала, и это – моя работа. Давайте свой текст! Но я строгая! – кокетливо пояснила она.

– Тем лучше, – ответил мужчина и протянул ей несколько листков, исписанных практически каллиграфическим почерком. Алена снова удивилась, ей давно не доводилось видеть рукописные тексты.

Она стала читать, а когда закончила – подняла глаза. В них читались ужас и отвращение и пока еще незаданный вопрос.

– Что вы скажете? – автору не терпелось получить рецензию.

– Жутковато! – не скрывая своих чувств, ответила Алена. – И это начало книги?

– Да! – последовал ответ. – А может быть… конец!

Последние слова были произнесены с явной ноткой сомнения.

– И это все? А где дальнейшее развитие событий?

– Будет! Хотите знать?

– Да, пожалуй! Все-таки начало интригует! – стараясь не выделываться, кивнула в знак согласия Алена.

– Хорошо. Тогда скоро узнаете!

После они обменялись еще несколькими фразами, потом погрузились каждый в свои дела. Он листал журнал, а она все думала. Подпившие пассажиры угомонились, и в салоне наконец наступила тишина. Шум мотора, похрапывание соседа справа… Алена задремала.

– Любимая!

Алена стоит посреди улицы и оглядывается по сторонам: кто ее звал? Вдалеке она видит чью-то спину. Это спина Макса. Слезы наворачиваются на глаза, ей так не хочется оставаться одной. Она бросается вдогонку, воздух врывается ей в легкие и раздирает их. От усилий боль в груди становится все нестерпимее. Но это еще не все! В следующий миг она понимает, что провалилась в топкую жижу. Ноги не чувствуют дна, еще чуть-чуть, и она не сможет дышать. Но это сейчас не важно. Сейчас нужно спасти кого-то очень ей дорогого, – шлепая одной рукой по липкой поверхности, другой она прижимает к груди маленькую девочку. Ужас приближающейся смерти и неспособность спасти своего ребенка вырывают из горла Алены истерический крик. И Макс слышит ее.

Он оборачивается и подходит к краю трясины. Алена чувствует тепло, исходящее от него, всем телом подается вперед и протягивает ему дочку.

Сильные руки подхватывают маленького человечка. Аленины глаза светятся счастьем. С души сваливается невыносимый груз, и она делает вдох. Такое ощущение, что она глотает эликсир жизни, пьет его жадными глотками. В голове обрывки мыслей: все… теперь все позади…это спасение…

И вот он протягивает ей руку. Их пальцы встречаются, экстаз освобождения прокатывается горячей волной по всему телу.

– Кристина? – Макс смотрит на нее нежными глазами…

Сердце сделалось огромным, как мяч, и расперло грудь. Казалось, что сейчас оно взорвется, разрывая в клочья грудную клетку. Жижа вместо клейкой, стала скользкой, как масло. Как невесомый шелковый платок, пальцы Алены выскользнули из его руки. Боль в груди невыносима, но теперь к ней присоединилась еще и тяжесть в желудке. Физические страдания, которые она ощущает, заставили ее застонать. Жижа коснулась подбородка, еще несколько сантиметров… Алена перестала биться и снова душераздирающе закричала…

Проснулась она то ли от собственного крика, то ли от удара шасси о землю.

В голове роились события недавнего прошлого: расставание с любимым, как ей казалось, мужчиной, рухнувшие мечты о семейном счастье и еще что-то неосознанно приятное, но сомнительное и эфемерное. Как теперь понимала Алена, эта неделя в Италии не исправила положение. Она возвращалась в Москву прямиком к своим проблемам и неразрешенным противоречиям. Единственное, что было для нее совершенно ясно, – мужчина, назвавший ее чужим именем, для нее не существует.

Самолет приземлился, пассажиры вышли из салона и разбрелись по аэропорту. Каждый шел своей дорогой…Но пути некоторых пересекались.

Глава 3. Не тормози…

«Вот зараза!» – злобно прошипела Алена и со всей силы швырнула телефон в открытую сумку.

– Это я не вам! – не меняя эмоциональной окраски, добавила она и подняла голову.

Перед ней стоял мужчина – в зоне видимости сидящей Алены находилось как раз то, что необходимо для определения половой принадлежности.

– Ого! – не скрывая удивления, выдохнула девушка, узнав в нем своего соседа по самолету.

– Вы прямо как Сабонис бросаете! – рассмеялся мужчина – У вас все в порядке?

Возможно, тут надо было ограничиться лишь дежурным ответом, но Алена была разгневана, а в таком состоянии скрывать свои эмоции она не умела.

– Все просто великолепно! – набирая в легкие воздух, она сделала небольшую паузу. – Конечно, если не считать того, что я на аэроэкспресс опоздала. Вот теперь сижу тут как дура, пытаюсь найти визитку таксиста.

– Кстати, меня зовут… Стас! – мужчина немного замялся, будто вспоминал свое имя.

– Алена! – коротко ответила девушка.

– Может, вас подвезти? У меня здесь машина.

– Подвезите! Или это вы из вежливости?

– Так едем?

Мужчина не стал дожидаться ответа, прихватил за ручку чемоданчик Алены и направился к выходу из аэропорта. Алена поспешила за ним.

– Подождите меня здесь. Я машину со стоянки заберу.

Алена кивнула и осталась стоять на тротуаре, а Стас исчез в темноте.

Минут через пятнадцать, когда она уже начала волноваться, к ней подкатил огромный черный джип.

– Автомат купюры не хочет глотать! – пояснил свою задержку Стас.

Алена улыбнулась и запрыгнула в машину.

«В салоне уютно, ночное шоссе позволяет выжать максимальную скорость. Все замечательно! Но надо о чем-то говорить. Или не говорить… – раздумывала Алена. – А, ну и пусть… Я все потеряла, так к черту табу и предрассудки и… будь что будет!»

Тут Алена задумалась, но вскоре от мыслей ее отвлек телефон – он зверски дергался в сумке, пытаясь привлечь к себе внимание. Она нашарила его и уже хотела поднести к уху, как под колесо попал предательский камень. Машину тряхнуло, и девушка выпустила мобильник из рук, как рыбак золотую рыбку.

«Ах, чтоб тебя!» – Алена, как та самая рыбка, нырнула за мобильником под ноги водителю.

Настырно пытаясь нашарить аппарат на полу, она вдруг поняла, что практически лежит на коленях у Стаса.

– Ты что там делаешь?

Алена не поняла, злится он или смеется.

– Пока ничего! – ответила она, еле сдерживая хохот.

– Тебе там удобно?

Все-таки он смеялся.

– Да, ты только не тормози!

Они даже не заметили, как перешли на «ты».

– Почему не тормозить?

«По кочану!» – мысленно ответила Алена, раздумывая о том, как, наверное, сложно ему вести светский разговор в присутствии симпатичной женской головы в непосредственной близости от «грани фола».

Но Стас думал вовсе не о светских разговорах. Ее тело он чувствовал всеми клетками.

«Интересно, а как она отреагирует, если ей предложить…» – размышлял он, глядя в Аленин затылок.

Но предложить он не успел. Еще одна кочка сделала свое дело. Критическое расстояние стало еще меньше. А дальше сработало правило магнита – оба почувствовали возбуждение и угадали взаимное согласие продолжить игру.

В следующий момент Стас услышал тихий смех и почувствовал, что молния на ширинке поползла вниз.

«Интригующе!» – подумал он.

В этот момент Алена слегка подняла голову и посмотрела на водителя. В ее огромных глазах светилась гремучая смесь азарта и страсти, и казалось, что они стали бездонными.

У Стаса мурашки пробежали по спине от этого взгляда. Он почти инстинктивно сполз по сиденью ниже, облегчая доступ к «грани фола». Потом он понял, почему одной ноге стало тяжело – Алена больше не упиралась в сиденье, она освободила руки и стала возиться с ремнем.

– Тебе помочь?

Она лишь помотала головой и мастерски справилась с пряжкой. То, что она освободила из плена одежды, удостоилось ее более чем одобрительного возгласа. Предчувствие чего-то необычного, весьма неординарная ситуация и предвкушение удовольствия сделали свое дело – результат был у Алены перед глазами. Вот тут-то, удержавшись от эпитетов, подходящих разве что героине

порнофильмов, она выдохнула:

– Ого, да он, наверное, сексом сто лет не занимался!

«Как эскимо…» – промелькнуло в голове у Стаса, когда Алена погладила «ого» языком так, будто ела мороженое. А потом она мягко обхватила губами конец эскимо и слегка сжала. Стас забыл про педаль газа, но совсем отключиться от дороги все-таки себе не позволил.

Алена освободила рот и что-то тихо прошептала.

– Не тормози и не кончай! – расслышал Стас.

А после она вернулась на исходную позицию, и уж если продолжать сравнивать некоторые органы мужского тела с эскимо, то теперь оно почти целиком оказалось у Алены во рту, при этом лизать его она не переставала.

– Я так долго не протяну! – проговорил Стас, сдерживаясь из последних сил.

– Не спеши! Дотянешь до дома – получишь приз! – заговорщическим тоном прошептала Алена, ненадолго прервав свое занятие. Но по тому напряжению, которое она почувствовала в его теле, поняла, что словами тут не поможешь.

В следующий миг Стас вскрикнул от боли и неожиданности.

– Ты что делаешь?

– Возвращаю тебя с небес на землю! – рассмеялась Алена, выпуская из зубов его ляжку.

– Больно же!

– Зато действенно! – продолжала смеяться девушка. – Не тормози и не кончай, а то снова укушу!

– Ладно, еще посмотрим, кто кого! – хитро улыбнулся Стас, потирая укушенное место.

Его рука скользнула по Алениной спине и пробралась под ремень брюк. Мысленно он сказал «горячее спасибо» просторным джипам, потому что дотянуться смог только до того места, где кончается поясница и начинается ложбинка, которую так любят открывать низко сидящие джинсы. Алена попыталась засмеяться, не выпуская эскимо изо рта. В ответ на его движение она придвинулась ближе и расстегнула свой ремень.

– Все! Мы едем ко мне! – сказал Стас, утопив педаль газа.

Глава 4. Неслучайные совпадения

Яркий свет заливал комнату. В незашторенное окно врывался ураган солнечных лучей, которые забирались практически в каждый уголок, шарили по полу, играли с хрусталиками на люстре, путались в мягком ворсе ковра.

Алена отвернулась от окна и натянула одеяло на голову, стараясь спастись от этого солнечного шквала. Но день, вступивший в свои права, не потерпел подобных уклонений. Вслед за светом он вдохнул в окно ветер и, сдув пару листков с рабочего стола, наполнил комнату ароматами ранней осени. Противостоять такому жизнеутверждающему порыву было просто невозможно!

Девушка сопротивлялась еще несколько минут, но потом сдалась и встала с постели. Что-то пробурчав себе под нос, скорее всего ругательства, она первым делом включила телевизор, а потом направилась в ванную.

«Стоп! Не нужно ничего ждать! Не трави себе душу!» – уговаривала она сама себя, глядя в зеркало.

Она вспомнила своего знакомого с его жутковатым рассказом, их «случайную» встречу в аэропорту, поездку до дома, а уж когда она вспомнила их ночные упражнения уже в квартире, от своего коронного «ого» Алена не удержалась и улыбнулась загадочной улыбкой. По телу пронеслась волна приятных ощущений,

которые слегка возбудили ее, и она даже пожалела, что ее вчерашнего знакомого с его эскимо нет рядом. Но все же она была на сто процентов уверена, что, уйдя, поступила правильно. У них было великолепное приключение, все просто замечательно. Так зачем это портить? Она всегда в таких случаях уходила на рассвете, не оставляя следов. А по дороге как молитву читала строки: «Любовный крест тяжел, и мы его не тронем, вчерашний день прошел – и мы его схороним!» Она никогда не заказывала такси, она просто уходила, исчезала в новом дне и даже не думала о том, что оставляет за плечами. Но на этот раз так не получилось. Сама того не осознавая, она почему-то была счастлива. Она шла по улице, улыбаясь дворовым собакам и редким прохожим, подставляя лицо прохладному ветерку и первым лучикам солнца. А добравшись до дома, даже не пошла в душ, оставляя на коже аромат этой ночи. Да и сейчас, вспоминая все это, Алена испытывала настоящий экстаз.

«Нет, нет, нет! – громко сказала она себе. На этом – стоп! Все забыли! Моя формула идеальных отношений, конечно, включает в себя секс, юмор и общее дело, но… Да, нам было весело, а уж секс вообще был фантастический… Но вот общего у нас ничего нет! И не будет! Все хорошо, что… конча…»

Алена вышла из ванной. И выгнало ее оттуда вовсе не отсутствие горячей воды или необходимость прихватить брошенный у кровати халат. Нет! Голая, с накрученным на голове полотенцем, она как зачарованная стояла посреди комнаты и смотрела в экран телевизора, который секунду назад и оторвал ее от повседневного моциона.

От удивления ее большие глаза стали еще больше, она слушала и не верила в то, что это реальность.

Яхта. Бесконечный океан. Ветер в парусах. Мертвые птицы. Разлагающиеся трупы. Дохлые рыбы… Снимали с вертолета. Явно с большого расстояния. Запись была мутной, так как функция приближения использовалась на сто процентов, разобрать детали было сложно, но Алена знала, что там. Она почувствовала тошноту, но взглядом впилась в экран еще сильнее. Плюс превратилась в одно большое ухо. Корабль нашли в нейтральных водах, попытки подняться на борт привели к трагедии – не только группа спасателей, но и весь экипаж военного миноносца, прибывшего на помощь, разделил участь погибших пассажиров. Определить, что явилось причиной столь странного эффекта, пока не удалось. Ни радиационного заражения, ни электромагнитного излучения, ни высокочастотных колебаний. Американскому спецназу удалось определить

радиус опасной зоны, – оказалось, яхту окружает поле, действие которого распространяется на двести метров. Потом шустрые репортеры раскопали, что судно принадлежит одному из самых богатых людей мира, что является он гражданином Америки и что на борту были его гости-миллиардеры.

Алена перевела дух.

«Ну и дела! – прошептала она, опускаясь в кресло. – Как все переплелось… Не знаю почему, но у меня странное предчувствие. Не падает снаряд дважды в одну лунку. Есть здесь какая-то взаимосвязь. И не случайно я летела на этом «гробовом» самолете. И не случайно мы встретились…

Телефон надрывался как бешеный. Не выпуская из поля зрения экран телевизора, Алена нащупала на полу мобильник и ответила на звонок. Она услышала возбужденный голос своей подруги Милы. Та тараторила и стремилась в одну секунду вывалить на Алену всю известную ей информацию. Алена слушала в пол-уха. Единственное, что она поняла, – приказ включить новости на первом. Алена побегала по каналам, не выпуская из руки телефон.

Репортер, определенно охваченный волнением, не скрывая своих эмоций, рассказывал о том, что ученые одного из московских медицинских центров совершили прорыв в области технологий омоложения организма. Он сообщил, что проект вызвал колоссальный резонанс в обществе, причем на всех уровнях. Даже президент выступил с заявлением по этому поводу, так как данная разработка могла ни много ни мало изменить историю страны, да и всего мира. Потом вслед за каким-то профессором, облаченным в идеально белый халат, репортер прошел в здание медицинского центра, где и находилась чудо-установка по возвращению молодости.

Алена наблюдала не отрываясь.

Перед ее глазами предстал кабинет. На стенах были развешаны фотографии из серии «до» и «после». Результаты, которые они смело демонстрировали зрителям, могли поразить даже самых отъявленных скептиков. Доказательством этому являлось количество людей, желающих воспользоваться установкой. По словам профессора, оно почти достигло миллиона. Пораженная Алена узрела странный аппарат, похожий на подкову, и все того же профессора, гордо поглаживающего его.

– Это наша девочка! Наша «Снегурочка», – представил машину профессор.

– А почему вы ее так назвали? – поинтересовался репортер.

– В языческой мифологии есть богиня молодости, воплощенная в образе девушки – вечно молодой Снегурочки[3 - Образ Снегурочки – символ застывших вод. Это девушка (а не девочка), вечно юная и жизнерадостная языческая богиня, одетая только в белые одежды. никакой иной цвет в традиционной символике не допускается, хотя с середины XX века в ее одежде иногда стали использовать и голубые тона. ее головной убор – восьмилучевой венец, шитый серебром и жемчугом.].

События на экране перенеслись в Нью-Йорк, потом в Лондон, затем в Париж. Демонстрации мужей, не желающих несколько веков жить со «старыми» женами, пикеты у пенсионных фондов с плакатами «Нам больше не нужна пенсия!», преподаватели, сжигающие учебники… У Алены закружилась голова от этой карусели столиц и событий. Но телеканалы всех стран наперебой спешили сообщить миру о сенсационном открытии.

– Вечная молодость! Машина молодости! Нет старости! Мы все будем красивы и здоровы! «Снейгурочка, Сноугурочка, Снегуроучка!» – на всех языках мира с постоянством заезженной пластинки или ученого попугая охочие до горячих новостей журналисты повторяли и повторяли еще даже плохо отредактированный текст, на разные лады коверкая русское слово.

– Боже мой, что творится. Все будто с ума посходили. К дверям небольшого частного института очередь длиной в километр. Репортеры беснуются и, как вурдалаки, лезут к ним и в окна, и в двери. Мир накрыло цунами неожиданно выброшенной в массы информации. Умелый, черт побери, ход!

Алена машинально нажала на красную трубочку, не задумываясь, прервав словесный понос подруги, так и оставшийся без внимания… Тут в довершение всего позвонил хозяин издательства. Алена представила этого милого толстяка бегающим из одного угла кабинета в другой и судорожно сжимающим телефон. Он так кричал в трубку, что девушке пришлось отодвинуться, дабы не оглохнуть. Путаясь от волнения, он практически давал ей задание на миллион: раскопать всю информацию об этом открытии, доискаться до самых корней.

– Что, как, кто заплатил, на ком испытали, какие законы нарушили… Пиши! Артемов Дмитрий Сергеевич, известный танатолог. Бегом к нему, Ирина перешлет тебе контакты. Бери у него интервью! Ты поняла? Узнать все! Все грязное белье вытряхнуть, весь мусор перекопать! Я жду от тебя сногсшибательный репортаж! Вперед! Порви их! – резкие короткие фразы обычно свидетельствовали о крайней возбужденности издателя. Сегодня они были уж чересчур короткими, да и к тому нерезкими. Наконец последовали хруст и хлопок – трубка офисного телефона полетела на свое место.

От всего услышанного и увиденного за последние тридцать минут у Алены к горлу подступил комок. В голове билось слово «танатолог». Тут ее осенило.

«Димон!» – выдала память.

Очередной репортер вновь привлек внимание. Он начал рассказ о каком-то таинственном инвесторе, который, по его предположению, имел отношение к созданию «Снегурочки». Из речи журналиста Алена поняла, что этот самый инвестор сейчас пропал «с экранов радаров», что найти его никто не может и на телефонные звонки он не отвечает. Она как раз посмотрела на экран, когда там показали фотографию пропавшего финансиста.

И тут Алена потеряла дар речи. С экрана телевизора ей улыбался ее вчерашний любовник. Репортер представил его, но обалдевшая Алена выхватила из всей речи лишь имя Станислав и поняла, что он и является инвестором того самого проекта по омоложению. Это было уже слишком, но это было еще не все.

Телефон выдал призывную песню.

– Слушаю вас!

– Привет!

Алена узнала голос Стаса. Она отбросила от себя телефон, будто это были лягушачьи кишки, и тут же сползла на ковер в состоянии полнейшего шока.

Глава 5. Точка бифуркации

Вы когда-нибудь считали, сколько раз за день у вас в кармане звонит телефон? Два? Десять? А может быть, сто? Начальник ищет по срочному делу. Подруга – чтобы поболтать или поделиться новостью. Приятели зовут на футбол, а мама просто хочет услышать ваш голос. И вот вдруг среди этого круговорота обыденной жизни раздается ОН! Один-единственный! Один на тысячи и миллионы! Всего один…

Конечно, в этот момент вы не задумываетесь о том, что такое матч-пойнт[4 - Матч-пойнт – последняя подача, которой может завершиться матч, игра; матчбол (обычно в теннисе).] или точка бифуркации[5 - Точка бифуркации – понятие из технического словаря; обозначает раздвоение: краткий момент, когда система непредсказуемым образом может изменить режим работы то ли в одну, то ли в другую сторону, после чего возврата к прошлому уже нет. Ситуация станет или одной, или другой. Применительно к психологии это момент, когда человек легко может что-то сделать либо не сделать; сделать одно либо сделать другое.]. Вы даже не предполагаете, что именно сейчас находитесь в этой самой точке и лишь одного привычного движения достаточно, чтобы круто изменить всю предстоящую жизнь.

Не думал об этом и я.

До сегодняшнего дня я частенько сравнивал себя с шариком, который ровно катится по ландшафту судьбы, минуя опасные расщелины и обрывы, выбирая ровные долины и бескрайние горизонты. С одной стороны, я был одним из многих. Родился не в Москве, образование получил тоже не в столице. Но, однажды побывав в этом городе, влюбился в него на всю жизнь. И… приложил все усилия, чтобы стать его частью. Теперь я не представлял своего существования без пыльных московских улиц, тополиного пуха, пробок и летних вечеров. И был горд, что добился этого сам. Вообще я считал, что не побеждает только тот, кто не стремится к победе. А еще тот, кто ничего не делает, пеняет на всевозможные обстоятельства и жалуется на судьбу. И судьба, и обстоятельства отступают перед тем, кто способен приехать в офис в пять утра и уехать за полночь. Это проверено! Работоспособность плюс организация труда помогли мне – я обрел финансовую стабильность, а вместе с ней и независимость. Все было продумано, размерено, распланировано. То есть, как говорят в таких случаях, жизнь удалась. И единственное, что беспокоило меня порой, так это мысли о собственном предназначении. К тридцати восьми годам я стал серьезно задумываться о своей миссии в этом мире, и мне почему-то

казалось, что гуру аудита[6 - Аудит – проверка финансовой деятельности фирмы независимым ревизором (аудитором).] вовсе не мой предел, а терзавшее меня предчувствие чего-то очень важного, великого и неизбежного вскоре реализуется. Я часто думал об этом, засиживаясь в офисе. И вот сегодня судьба решила заглянуть ко мне в кабинет. Этим утром мой «шарик» оказался на развилке, от которой можно катиться и направо, и налево…

– Слушаю вас! – спокойно произнес я.

Выбор был сделан.

– Станислав Николаевич Савельев? – голос в трубке умолк в ожидании ответа.

– Да!

– Скажите, – выдержав паузу, продолжил голос, – а Николай Владимирович Савельев приходится вам?..

– Отцом, судя по отчеству. Что тут неясного? – с иронией произнес я. На миг я задумался о том, сколько тезок и однофамильцев живет в многомиллионном городе, но тут же вернулся к разговору. – Могу вас огорчить, он умер много лет назад.

– В таком случае разрешите представиться, полковник Москалев Сергей Валерьевич, главный врач военного госпиталя номер семь. Ваш отец жив и находится у нас. Но… – Последовала пауза. – Состояние его оценивается как крайне тяжелое.

Странно, но я уже не сомневался, что речь идет о моем отце. В первый миг я, конечно, обрадовался – я ведь много лет искал его, не веря в то, что он умер. Но тут же узнал о тяжелой болезни, что совершенно выбило почву у меня из-под ног. Обрести и потерять одновременно— это было уже слишком. Меня бросило в дрожь, я вжался в кресло и перестал дышать. На мое раскаленное эмоциями сердце будто плеснули ледяной воды. Самое страшное происходило сейчас у меня внутри – маленькая трещинка медленно поползла в сторону души и замерла на пороге святая святых.

– Что вы хотите сказать? – спросил я.

– Пока только то, что вы услышали, – довольно холодно отчеканил голос в трубке. И умолк.

Я по-прежнему чувствовал выжигающую внутренности боль и едва смог перевести дыхание.

– Я могу его увидеть?

– Приезжайте! Прямо сейчас!

– Куда?

Голос продиктовал адрес и попрощался, а я в тот же миг сорвался с места и бросился к машине.

В поисках объезда навигатор кружил по забитым машинам и утренним улицам. «Московские пробки, – констатировала – тут хоть головой об руль бейся – быстрее не проедешь». Но я прорвался. Неожиданно. Проскочил «бутылочное горло» и оказался на свободе. Навигатор вывел на трассу, и суета города сменилась сельским пейзажем. Загипнотизированный солнечным зайчиком на приборной панели, я погрузился в воспоминания.

Они отбросили меня на тридцать лет назад. Там я увидел детскую комнату, себя сидящим на кровати и… отца. Он расположился на полу рядом, держа в руках книгу. Отец читал.

– Древние греки считали, что нашей жизнью управляют три богини, дочери Зевса и Фемиды, – Лахесис, Клото и Атропос. Первая вершит судьбу человека еще до его рождения. Она назначает жребий, нарушить который не в силах ни один смертный на земле. Вторая богиня прядет нить судьбы, нанизывая на нее события настоящего. Беды и невзгоды, счастье и радость целиком и полностью находятся в ее ведении. А третья, самая грозная, наделена властью перерезать волшебными ножницами нить человеческой жизни, что и означает смерть.

– Какую нить? – спросил я.

– Это образное выражение, – пояснил отец и задумался.

– Пап, и люди ничего не могут изменить в своей судьбе? – воспользовавшись паузой, я снова спросил.

– Нет, не могут!

– А может быть, есть какой-то способ?

– Возможно! – сказал отец и как-то грустно вздохнул. – Ложись спать, сынок!

Он укрыл меня одеялом, потрепал по макушке, погасил свет и вышел из комнаты, лишь ненадолго задержавшись на пороге.

Больше мы не виделись…

«Вот и попал я в заботливые руки богини Клото. Интересно, за какое место она умудрится меня ухватить?» —покачал я головой, поинтересовавшись сам у себя.

Далекие образы из детства нахлынули вновь.

С необъяснимым мазохизмом я стал прокручивать в голове киноленту воспоминаний кадр за кадром.

«А может быть, если зажмурить глаза и накрыться одеялом с головой, мама не станет меня будить? Потому что я не хочу вставать. И не хочу идти в школу. Через два дня Новый год. Я ненавижу этот праздник! Это первый Новый год без отца. До этого был день рождения. И он не пришел. Как будто меня просто нет. Ненавижу праздники!»

Я видел семилетнего мальчишку. Слезы катились из глаз, а он вытирал их углом простыни и старательно натягивал на голову одеяло.

Всего три месяца назад все еще было хорошо. Но родители расстались. Тихо, без скандалов и споров. Просто что-то решили между собой, а меня поставили перед фактом. Мама теперь ходит грустная, сама таскает сумки, а по выходным в гости приходят чужие дядьки. Дарят глупые подарки и играют со мной только на

глазах у матери. Она выходит из комнаты, и они перестают скрывать недовольство, утыкаясь в телевизор. Тогда я понял, им на меня наплевать и только отцу было не безразлично…Как же я был зол тогда на всех взрослых на свете. Почему они думают, что ребенок ничего не понимает? Ну и что, что ему семь лет…

Недавно мама и папа встречались. Они разговаривали, стоя на маленьком мостике недалеко от нашего дома. А я смотрел в окно. Будто прилип к стеклу. По их жестам я старался понять, о чем они говорят. Иногда папа пытался обнять маму, и мне казалось, что еще миг, и она простит его, и они, обнявшись, вернутся домой. Но проходила минута, и томительное ожидание оборачивалось нестерпимой тоской. Она отстраняла его, а лицо ее делалось бледным и серьезным. Я понимал – все плохо! Разговор продолжался пару часов, а я все висел на подоконнике и ждал. А вдруг! Вдруг случится чудо, и они вернутся вместе. Папа откроет дверь, с порога крикнет «Привет!», я разбегусь и прыгну к нему на руки, а он меня поймает и прижмет к себе! И больше никогда не уйдет. Но они стояли по разные стороны мостка. Надеяться было глупо, но я надеялся…

– Вы прибыли к месту назначения! – вежливо сообщил навигатор. «Приехали!» – подумал я. Время было ровно девять утра.

Огромное здание госпиталя почему-то находилось под серьезной охраной, но я не придал этому значения. Мне пришлось пройти два поста и подвергнуться детальному досмотру, прежде чем меня пропустили. Но это было не важно, главное – я оказался внутри. И тут я потерял пятнадцать минут – миловидная медсестра в регистратуре никак не могла отыскать в компьютере фамилию Савельев. Наконец она воззрилась на монитор в недоумении, после тихо поговорила с кем-то по внутреннему телефону, а потом, обращаясь ко мне, проворковала:

– Станислав Николаевич, подождите, пожалуйста, несколько минут. За вами сейчас спустятся.

Я честно попробовал ждать. Но мое эмоциональное состояние не способствовало спокойствию. Я думал о том, как в это утро мчался в госпиталь лишь с одним чувством – меня вела надежда. А сейчас от нетерпения просто колотило, ведь от отца меня отделяло всего несколько больничных коридоров. Конечно, если бы ситуация позволила мне бежать, то я бы бросился к лифту сломя голову. А так приходилось держаться. Минуты шли тяжело, а часто открывавшаяся дверь во

внутренний холл тянула похлеще любого магнита. И вдруг ухо выхватило из прочих звуков нечто очень важное. Вторая медсестра подняла трубку и воркованием, точь-в-точь похожим на воркование первой медсестры, ответила звонившему:

– Москалев сейчас у себя. Да. На пятом. По коридору направо. Да. Пятьсот тридцать четвертый.

Я сделал шаг. Потом еще. И еще. Ловко проскочив в открывшийся проем, я оказался у лифта и чуть не разжал двери руками, чтобы поскорее попасть внутрь.

Я нетерпеливо выстукивал чечетку на корпусе мобильного телефона и торопил секунды, ожидая, когда же наконец закроются двери и начнется отсчет этажей. Они шевельнулись и медленно поползли навстречу друг другу.

– Поехали! – прошептал я, и от нетерпения даже немного присел. И тут, к своему удивлению, я ощутил толчок. Только это было не движение вверх, это вновь открылись двери лифта, пропуская еще одного пассажира. В первый момент, стараясь не выразить свои эмоции посредством ненормативных выражений, я просто прикусил губу. Да так и замер, посчитав, что уж лучше вовсе ее прогрызть, чем дать возможность челюсти безвольно свалиться на грудь. Девушка встала у меня за спиной. Я почувствовал, как потеют ладони, а на лбу выступает испарина – понял, незнакомка смотрит на меня. Взгляд прожигал до костей, голова кружилась от аромата страсти, а ноги приклеились к полу, будто я наступил на жвачку. Я боялся пошевелиться, как кролик, загипнотизированный удавом. Всей кожей чувствовал силу ее взгляда. От нее исходило дыхание терпкой корицы, которое породило во мне желание сделать что-то такое, о чем потом, возможно, тысячу раз пожалею…

Внезапный толчок вывел меня из ступора, и я бросился вон, будто стараясь как можно дальше убежать от незнакомки и своих сумасшедших мыслей.

Я остановился у двери с табличкой «534». И застыл.

Кто-то тронул меня за рукав, и я обернулся. Передо мной стоял мужчина в белом халате. Он улыбался мне как старому другу.

– Станислав Николаевич Савельев?

Я кивнул головой.

– Это я вам звонил. Заходите!

Мужчина в белом коснулся карточкой электронного замка, дверь пискнула и пропустила нас в кабинет.

Доктор молча сел за свой стол, скрестил руки на груди и стал внимательно рассматривать меня.

Через пять минут я не выдержал.

– Не томите меня ожиданием! Скажите, как есть! Вы даже не представляете, что я пережил в это утро, а вы сидите и молчите, просто глядя на меня! Говорите!

Врач, видимо, ожидал подобной реакции.

– Наберитесь терпения, молодой человек. То, что вам предстоит узнать, перевернет вашу душу. А может, и вывернет наизнанку. – Врач сделал паузу и тихо добавил: – И это вовсе не в переносном смысле!

– Говорите! – попросил я.

– Тогда… Ваш отец умирает…

– Это я уже понял утром. Или вы собираетесь тысячу раз повторять?

Врач пропустил сарказм мимо ушей и продолжил:

– Никто не знает, сколько ему осталось. Совсем недавно приборы зафиксировали необъяснимую полевую активность. К тому же его рука стала мягкой.

Я, не веря своим ушам, посмотрел на Москалева как на полоумного.

– Что значит мягкой? А какой она была?

– Тверже камня! – ответил врач так, будто у него спросили несусветную глупость.

– Хватит! Говорите все как есть! Или я ухожу.

Я сорвался и вскочил со стула.

– Сядьте! – спокойно сказал врач.

– То, что я должен вам рассказать, не укладывается в стандартные рамки представлений о жизни. Именно так. Я вас уже предупредил. Хотя некоторые считают, что это и есть норма. И мне, поверьте, не так легко начать говорить, тем более что я вижу, насколько вы далеки от таких вещей.

– Извините меня, я не знал, что рука умирающего человека может быть мягкой или твердой, – продолжил я с иронией. – Начинайте, я соображу по ходу дела!

Я присел на стул и склонился вперед. Приготовился слушать.

– С вашим отцом случилось нечто феноменальное. У него не работает сердце, мозг не показывает никакой активности, не идут обменные процессы…С точки зрения классической медицины он умер тридцать лет назад, ведь смерть человека фиксируется в тот момент, когда отказывается работать его мозг. Но есть и другие точки зрения.

– Что значит «другие точки зрения»? На что? На смерть?

– Я догадываюсь, что вам сложно в это поверить. Согласен, это не так просто принять сходу. Но время на обдумывание у вас еще будет, а пока дослушайте. Почти тридцать лет назад в один из таких же весенних дней я закончил дежурство, и, также как сегодня у вас, на моем столе зазвенел телефон. Никто не знает, что было бы с вашим отцом, если бы я ушел раньше лишь на десять минут. Скорее всего его похоронили бы на одном из городских кладбищ, особо не вдаваясь в детали случившегося.

В трубке я услышал:

– Он умер! Она его убила!

Звонила мама твоего отца. Я понял – случилось что-то ужасное. Естественно, помчался к ней.

Когда я вошел в подъезд, меня окатило замогильным холодом. Поднялся на этаж и позвонил. Холод в квартире был зверский. Тамара Александровна куталась в пуховый платок.

– Что случилось? – спросил я.

– Проходи в его комнату. Не знаю, сколько он так. Уезжала к подруге, вернулась – и вот: ни слова, ни звука, холодный весь. Она все-таки добилась своего…

Видимо, я не сразу обратил внимание на эти слова и тут же услышал:

– Марина! Это все она!

Речь шла о твоей маме.

Тамара Александровна отвернулась и этим движением выразила и боль, и обвинение одновременно.

Я вошел в комнату. Думал, что готов к самому худшему. Но на самом деле к смерти не готов никто. Я просто старался выстоять.

Я с трудом узнал твоего отца. Он очень сильно похудел, обострились черты лица, кожа приобрела сероватый оттенок. Я стоял и смотрел на него, собираясь с духом, чтобы провести осмотр. Николай будто спал. Глаза были закрыты, лицо спокойно. Оно не отражало ни предсмертной муки, ни видений страшного сна. Я пощупал пульс – ничего. Достал фонендоскоп[7 - Фонендоскоп – медицинский прибор, применяемый для выслушивания тонов сердца, дыхательных шумов и др. звуков, возникающих в организме.] и приложил к груди. Опять тишина. Надежда на чудо исчезла. Я ничего не понимал, но чувствовал, что здесь что-то не так. Первое, что выходило за рамки, – в помещении отсутствовал трупный

запах. Однако, как медик я пришел к заключению, что Николай мертв. Пульс, зрачки, температура, дыхание – все подтверждало мои выводы. Я вышел из комнаты. На пороге стояла Тамара Александровна. Она поняла всё без слов. Долго смотрела мне в глаза, а потом отвернулась и тихо всхлипнула. Мне предстояло решать «технические проблемы» – нужно было вызвать машину и зафиксировать смерть. Набрал номер, объяснил, в чем дело, ребята сказали, что будут через двадцать минут. Не обманули – «скорая» подкатила к подъезду ровно в указанный срок. В окно я видел, как врач и медсестра вошли в дом. И все! Мы прождали их тридцать минут, и, придя к выводу, что заблудиться им негде, направились к двери и выглянули на площадку. Я замер в недоумении. Один из медработников сидел на полу, привалившись спиной к стене, и корчился от боли, сжимая руками голову. Медсестра оперлась о перила, но тут ее так скрутило, что она повисла на них всем телом, как мешок на бельевой веревке. «Скорой помощи» нужно было оказывать помощь – это было очевидно. На мои расспросы оба твердили: головная боль, тошнота, резь в области солнечного сплетения, конечности ватные, реакции замедленные. Складывалось впечатление, что кто-то не хочет, чтобы эти люди входили внутрь. Что тут поделаешь, пришлось решать вопрос самому.

Я вернулся в квартиру, завернул твоего отца в простыню, взял на руки и понес к машине. Люди, которые были поблизости, хватались за голову, сжимали живот или просто сторонились меня, а водитель нашего госпиталя выскочил из машины и спрятался за куст, видимо, там его вырвало.

Я сам довез тело до госпиталя и определил в морг, в специальную «свинцовую» комнату, где раньше мы держали трупы, привезенные из Чернобыля[8 - Чернобыль – город Киевской области Украины на реке Припяти, где в апреле 1986 года произошла авария на атомной электростанции.].

Мы соблюли все формальности. Кроме одной, – пользуясь нестандартностью момента и ссылаясь на возможные проблемы, о появлении которых даже не следовало напоминать, я строго настрого запретил делать вскрытие. Хотя, наверное, тут я перестарался. Перепуганные врачи и медперсонал на пушечный выстрел боялись подойти к трупу без меня. Таким образом, я сохранил ему тело.

Долго думал, как поступить: рассказать об этом уникальном случае начальству или хранить все в тайне. Я не знал, сколько может продлиться его состояние, не понимал, что ему понадобится, но предполагал, что деньги потребуются точно. Решение было принято за меня. Через неделю мне позвонили из Министерства и

«попросили» с докладом в Москву. О его теме речь даже не шла, мне только напомнили, что кое-кого я должен обязательно захватить с собой, «сохраняя чрезвычайную секретность». Так мы с твоим отцом перебрались в столицу. В этот самый институт. Я начал работать.

– И какой в итоге вы поставили диагноз?

– Диагноз… – Москалев улыбнулся. – А никакого! Дело в том, что ваш отец абсолютно здоров. Нам бы с вами так! Он просто ушел в сомати[9 - Сомати – высшая форма медитации у тибетских йогов, при которой в результате длительной консервации человеческого организма тело переходит в «каменно-неподвижное состояние».]!

– И?

– Сомати— это высшая форма медитации[10 - Медитация (от лат. meditatio – размышление) – тип упражнений по тренировке концентрации внимания, используемый в оздоровительных целях, для выработки контроля над течением своих мыслей и эмоций или для вхождения в особое религиозно-психическое состояние.], при которой душа покидает физическое тело, но находится где-то неподалеку, тело при этом не разлагается, а хранится, как консервы, всегда готовое принять свою душу обратно. Оно может пребывать в таком виде миллионы лет, а душа в это время познает иные пространства, сущности и параллельные миры. То есть набирается опыта, совершенствуется и постигает истину. Известно, что в такое состояние можно войти, только практикуя очень глубокую медитацию, которая доступна лишь избранным или посвященным. Обычному человеку это недоступно!

Полковник сделал паузу, показывая, что сказанное имеет чрезвычайную важность.

– И тут мы подходим к тому, что ваш отец настоящий феномен! Он сделал то, что порой не под силу очень сильным йогам, ламам и колдунам. А он, даже не будучи буддистом, вошел в состояние сомати и пребывает в нем почти тридцать лет. Причиной, как мы предполагаем, послужил серьезнейший стресс. Но и тут мы не уверены на сто процентов.

– Возможно, – задумчиво произнес я. – Они тогда расстались с матерью. И я чувствую, что это было для него очень серьезно.

– Мы знаем. Мы изучали каждую деталь.

– А почему вы все-таки решили, что это то самое состояние сомати?

– Понимаешь! – от волнения Москалев даже не заметил, как перешел со мной на «ты». – В состоянии сомати тело человека не просто неподвижно. Оно становится неестественно твердым и холодным. Намного тверже обычного трупа. Температура снижается до плюс четырех градусов, хотя среднестатистический homo sapiens[11 - Homo Sapiens (лат.) – человек разумный.] умирает от переохлаждения уже при плюс двадцати, обменные процессы сводятся к нулю. Исследования подтверждают, что некоторые йоги способны «отключать» сердце, замедлять дыхание, влиять на гормональные процессы. Но это только на время и не полностью. Все эти признаки мы обнаружили у твоего отца. Возможно, двенадцать лет назад тебе было не до того, и ты бы пропустил мимо себя эту информацию. Вот, посмотри. Еще «Комсомолка»[12 - «Комсомолка» – газета «Комсомольская правда».] писала об этом в 2002 году.

Сергей Валерьевич достал из стола потертую газету и протянул ее мне. Я прочитал выделенный маркером текст:

«В сентябре 2002 года на кладбище под Улан-Удэ вскрыли могилу с телом ламы Итигэлова, умершего 78 лет назад. Медэксперты, присутствовавшие при эксгумации, были потрясены: тело российского Будды вовсе не походило на труп, пролежавший в земле почти восемь десятков лет. Его кожа была мягкой, без каких-либо признаков разложения, хрящевая ткань сохранилась идеально: нос, уши – все было на своих местах. Глазные яблоки не вытекли, пальцы рук и локтевые суставы были подвижны».

– Круто! – только и смог выдавить из себя я.

– Наверное, нам пора спуститься вниз, – тихо сказал врач.

Я все понял и поднялся.

Мы прошли по коридору и оказались у лифта.

Врач что-то рассказывал про госпиталь, но я слушал вполуха – все, что напрямую не касалось моего отца, было для меня совершенно не важно на данный момент. На подвальном этаже мы сделали «пересадку», поменяли лифт, и тут стало ясно, что верхние этажи – это лишь верхушка айсберга. Основная часть лаборатории находилась внизу.

Минус пятый, минус восьмой…

– Нам еще далеко? – нарушая молчание, поинтересовался я.

– Еще два. Этот блок находится на самом нижнем уровне. Там проще поддерживать условия – затраты оптимизируем, – улыбнулся полковник.

– Знакомая тема!

– Мы знаем! – сказал врач. – Прежде чем везти сюда, они все про вас узнали. Так что не удивляйтесь.

Я пожал плечами – вообще-то удивляться сегодня было чему.

Мы приехали. Прошли блок охраны, рамку, весы и еще какой-то странный агрегат, напоминавший электрический стул. И опять долгий путь по гулкому коридору. А в конце лаборатория.

Вошли в комнату, где располагался блок управления. Антураж мог вполне сойти для съемок очередных звездных войн – столько лампочек, блестящих поверхностей, мониторов и кабелей выхватывал из полумрака взгляд. Но самым завораживающим здесь, конечно, было огромное стекло. Оно отделяло нас от помещения, где на довольно высоком постаменте в неярком свете виднелось чье-то тело.

«Это же отец», – сообразил я. Человек за стеклом лежал без одежды, половину тела прикрывала простыня.

– Одежда ему не нужна! А это, – Москалев кивнул на простыню, – Мария Сергеевна накинула для приличия. Она у нас строгая. С первых дней здесь. Студенткой пришла. И осталась. На тридцать лет. И он ее подпускает. А остальных всех выжил. Попросишь его, если очень нужно, – может, позволит войти. А если не захочет – ничего не поделать, всех выгонит. И симптомы все те же. Голова, рвота, ватные ноги. Я давно уже понял – он так энергетический барьер ставит. Или защиту от дураков, если хочешь. А Маше доверяет…

Сергей Валерьевич усадил меня на стул, а сам встал у стекла, как учитель у доски.

– Будду Итигэлову изучить нам просто не дали, но твоим отцом мы занимались вплотную. Благодаря ему мы поняли состав мертвой и живой воды. Ведь вместо крови у него вода так называемого четвертого состояния[13 - Четвертое состояние воды – информационное; было обнаружено в конце второго тысячелетия. Гипотеза о воде как о некоей мыслящей инстанции, обменивающейся информацией с окружающим миром и даже со Вселенной.]. В народе ее называют «мертвой водой», так как она убивает больные клетки. Вот смотри!

Полковник подошел к стойке, на которой были выставлены террариумы со всякой подопытной живностью. Наугад извлек лягушку и прижал ее к столу. Я и ахнуть не успел, как острый скальпель отсек лягушачью лапу.

– А теперь… – Из небольшого контейнера полковник достал пробирку с красноватой жидкостью. Еще несколько манипуляций, и я стал свидетелем волшебного исцеления – Москалев приставил лапу на прежнее место, сбрызнул жидкостью из пробирки и, повторяя интонацию фокусника, пропел:

– Вуаля!

Я видел, как за секунды регенерирует ткань. Срастаются кости, восстанавливаются сосуды, затягивается рана.

«Да, чудеса сегодня сыплются на меня, как из волшебного ларца подарки», – не отрывая взгляда от лягушки, думал я.

Закончив впечатляющий эксперимент, полковник вернулся на свое место у стекла.

– А теперь самое важное. За годы исследований мы обнаружили… душу твоего отца. Посмотри внимательно. Видишь?

Я стал вглядываться в полумрак за стеклом, но ничего особенного не заметил.

– Нет, а должен?

– Попробуй сейчас, – Сергей Валерьевич нажал на пульте управления несколько кнопок. Камера за стеклом осветилась матово-розовым сиянием, в котором даже пылинки на стекле стали огромными.

Я пригляделся. Мне показалось, что от тела отца исходят лучи, но самый заметный тянется от груди.

– Что это?

– Душа твоего отца привязана к телу «серебряной нитью»[14 - Серебряная нить жизни – некоторый астральный орган, соединяющий после выхода астральное тело (флюидическое, эфирное) человека с его физическим телом. у большинства людей, владеющих out-of-body, нить идет от пупка, у некоторых она начинается на несколько сантиметров выше и левее селезенки, и очень редко исходная точка находится в области затылка или темени. Откуда бы ни выходила нить жизни, она всегда прикрепляется к тому же месту у фантома (призрака) этого же человека. Когда призрак находится рядом с физическим телом, толщина нити обычно не превышает сантиметра, по мере удаления астрального тела ее диаметр уменьшается. Серебряная нить жизни проходит вслед за призраком через любые материальные объекты и остается при этом слегка натянутой. По ней фантом может передавать информацию человеку.Свойствам серебряных нитей жизни удовлетворяют так называемые глюонные нити, теоретически предсказанные физиками в рамках теории элементарных частиц (автор теории Л. Б. Окунь).], ее диаметр примерно два-пять сантиметров, прочность не поддается измерению. Однако, хоть ее и невозможно порвать, она может «отклеиться», если сила натяжения превысит силы химических связей, что и происходит при химическом распаде физического тела после смерти. А так глюонная нить[15 - Глюонная нить жизни – «нить жизни», привязывающая душу

к бренному телу. В 1981 году физик, член-корреспондент АН СССР Л. Б. Окунь в своей статье «Современное состояние и перспективы физики высоких энергий» в журнале «успехи физических наук» подвел под это понятие научную базу. Он утверждает, что нить жизни состоит из особых частиц – «глюонов» (от англ. «липучка»).] может бесконечно удлиняться и проходить сквозь любое вещество. При этом она остается невидимой, так как кванты света с глюонами не взаимодействуют, да и сами глюоны – это не столько частицы, сколько связующие поля.

– Но я вижу!

– Это благодаря специальному освещению.

– Ну да!

– Вы хотите попасть туда? – полковник указал на камеру за стеклом. Он опять вдруг стал называть меня на «вы».

Я утвердительно кивнул.

– Это я предложил вызвать вас сюда. Наше руководство сначала указало мне на дверь, но когда они поняли серьезность и необратимость процесса, то дали отмашку. «Зовите, пока не поздно! Возможно, это наш единственный шанс не потерять образец» – таков был их окончательный вердикт.

– Образец?.. – я был не готов воспринимать своего отца как материал для исследований.

– Конечно, а как вы думали? Он находится здесь тридцать лет. Учитывая, что содержание только одной этой комнаты обходится не меньше, чем обслуживание мавзолея на Красной площади, заблуждаться вам не советую. Для всех, кто мечтает вырвать любой ценой из вашего отца тайну вечной жизни, он всего лишь «образец».

На стене замигало табло. Полковник подошел к нему, приложил палец к датчику и осуществил еще пару действий. Оказалось, что за табло находилась ниша, в которой хранится одежда.

– Если вы хотите попасть туда, придется немного принарядиться, – полковник вытащил из шкафа один из костюмов и указал на него. – Это телогрейка!

Серебристый цвет одежде придавала простеганная аккуратными ромбиками фольгированная ткань. Капюшон, перчатки, что-то вроде валенок. Я протянул руку.

– Нет! Пройдите в раздевалку. Мария Сергеевна вам поможет.

– Готовы? – испытующе спросил врач.

– Да! И попросите Марию Сергеевну быть повнимательнее! – выдавил я из себя.

– Шутите?!Это хорошо! – полковник одобрительно похлопал меня по плечу. – Жизнь бьет в вас с необычайной силой! И это очень кстати. Вдруг у вас действительно получится.

– Что получится? – не поняла. – Не совсем уловил… Чего вы от меня ждете?

– Эх, молодой человек! Я же начал рассказывать вам про то, что наши ученые умы решили использовать вас как экстренное средство. Вот и дерзайте!

– Но что я должен совершить? Чего они от меня ждут?

– То, что ваш отец находится, так скажем, не совсем в обычном положении, вы, я думаю, поняли. Мы бы не стали вас искать, но… правая рука…

– Опять вы!.. Я же просил!

– Да как это в твою голову запихнуть? Ты уверен, что «врубишься»? – потерял терпение врач. – Слушай внимательно! Твой отец лежит здесь тридцать лет, и все это время тело его было твердым как камень. Собственно, как и должно быть в состоянии сомати. Но дело в том, что двадцать три дня назад приборы стали «шалить». Подскочил уровень азота в воздухе и, что очень странно, повысилась влажность внутри камеры. Мы провели осмотр и обнаружили, что правая рука твоего отца приобрела подвижность. Кожа стала мягкой, пальцы шевелились как живые. Мы не знаем, что это означает. По данным различных

источников, такое случается тогда, когда душа «спящего», гуляющая «там», подвергается какому-либо воздействию. Но кого встретил в иных мирах твой отец, неизвестно. Друга или врага? Возможно, он хочет вернуться, но что-то держит его. Опасность в том, что с каждым днем натяжение нити растет, а чем это может закончиться, ты уже знаешь. Если процесс будет прогрессировать – твоему отцу осталось не больше двух-трех месяцев… А, теперь дерзай! Представь, что душа твоего отца «зацепилась» за что-то там наверху. Вытащи ее оттуда!

– А надо?

– Без сомнения! Иначе он просто умрет.

– Тогда я пошел!

Мария Сергеевна инструктировала меня, как заботливая мать. Причем, за кого она переживала больше – за отца или за сына, было неясно. Она проверила костюм еще раз и вынесла вердикт:

– Готов!

Я толкнул тяжелую стеклянную дверь.

Холод окатил меня и заставил поежиться. Подошел к пьедесталу. Я больше не видел нить, не видел лучей, но зато я был рядом с отцом. Меня поразило наше удивительное сходство. На вид ему было около тридцати. Отец, пожалуй, был только слишком худым.

«Калорийная диета, и через недельку мы будем как братья-близнецы», – подумал я, разглядывая его черты.

Присел на корточки рядом с ложем.

«Правая рука!..» – вспомнил я слова доктора и потянулся к отцу. Кисть поддалась, и я почувствовал через ткань обжигающий лед.

– Нет, я так не могу!

Я сорвал перчатки и схватил отца за руку. Кости заломило от холода, а дыхание сорвалось, но я не сдался.

– Пап! Ты меня слышишь?

Тишина не проронила ни звука.

– Отец! Ты здесь? – позвал я. Ни ответа, ни знака я не дождался. Сидел, держал отца за руку и перебирал все, что может помочь в такой ситуации: молитвы, раскаяние, просьбы, жертвы…Мысли унеслись очень далеко.

Я очнулся от зверского холода, который коварно заполз под защитный костюм. Так я понял, что надо уходить.

Потом я вспоминал, как охала Мария Сергеевна, возвращая к жизни мою замерзшую руку, и как суетился вокруг меня Москалев.

– Как ты? Как самочувствие? – виновато спрашивал врач.

– Вроде живой! Ноя…

– Значит, не сработало, – обреченно произнес Сергей Валерьевич.

Я в ужасе посмотрел на полковника!

– Все напрасно?

Врач промолчал, но спустя минуту добавил:

– Все кончено. Ты не сможешь ему помочь. И никто не сможет. Нам пора. Я должен тебя проводить. Это секретный объект, и здесь долго нельзя.

Обратный путь мы проделали в полном молчании. Мария Сергеевна сопровождала нас. Вышли из лифта на первом этаже и пожали друг другу руки. Я заметил, что Москалев медлит с расставанием.

– Что-то еще?

– Я не уверен, что это ответ…

– Вы с ума меня хотите свести?

– Я лишь делюсь соображением.

– Так делитесь, чего уж теперь.

– Если хочешь его спасти – поезжай в Тибет.

– Зачем?

Москалев вошел в лифт. Верная Маша последовала за ним.

– Там и поймешь… Прощай! Это шанс, а воспользуешься ты им или нет – тебе решать!

– С чего вы взяли, что я поеду!

– Ты поедешь! – бросил он напоследок.

Если бы я стал невидимкой и притаился в лифте, то смог бы услышать, как Мария Сергеевна, оставшись наедине с полковником, нерешительно сказала:

– Зачем вы так? Он ведь поверил!

– Нельзя у людей отнимать надежду! – ответил ей Москалев. – Если кто и знает про сомати больше других, так это тибетские монахи. Пусть ищет, сын он ему или кто!

В этот момент я уже шел к машине, по пути отменяя срочные встречи и перепоручая дела помощнице. Кто-то пытался мне дозвониться, и наконец я ответил.

– Станислав Николаевич?

– Да!

– Вас беспокоит помощница полковника Москалева, Леля Александрова, мы с вами вместе поднимались на лифте, мне приказано вас сопровождать.

Теперь я понял, что Тибет – это не шутка.

Глава 6. Долина смерти

Еще шаг, еще вздох. Попытка поймать хоть глоток воздуха оборачивается зверской мукой. Дыхание учащается, перед глазами плывут фиолетовые круги, голова разрывается от боли. Я остановился и попробовал отдышаться. Но облегчение не наступило. Вместо этого меня вырвало. Мучительно вывернуло, и мне показалось, что не только желудок, но и душу. Но после этого мне не стало легче. Голова по-прежнему кружилась и болела, а тяжесть в солнечном сплетении стала свинцовой. Но я все же старался не подавать вида и двигаться дальше.

Монах время от времени смотрел на меня всепонимающим и, что самое противное, немного ироничным взглядом. Он все замечал, но жалость, видимо, не входила в сферу его юрисдикции. Видя, что я готов вот-вот остановиться, он нарочито вежливым жестом показывал, что нам лучше двигаться дальше. И, подхватив подол своего одеяния, ловко скакал по камням. Я почти ненавидел его. Я понимал, что сдаться не имею права, но такое отношение возмущало и будоражило всю мою суть – суть свободолюбивого европейца, никому и ничему обязанного…Кроме своего отца… Тут я осекся в своих мыслях и покорно последовал за монахом вверх по склону.

«Или пан, или пропал! Ну и пусть! – подумал я. – Сейчас мне уже все равно». Как мне показалось, я уже почти неделю вот так скакал по камням, пробираясь к месту испытания. Я потерял счет дням. Надежда на мобильник рухнула в тот самый день, когда мы поднялись на «первый уровень» – так объяснил монах. Очень хотелось позвонить Леле и обо всем рассказать, но сотовая связь дала

понять, что это невозможно, полным отсутствием шашечек на шкале. Это означало, что мы прошли один из энергетических барьеров, защищающих святая святых Тибета. «Все-таки я прошел», – думал я. «Все-таки он еще не знает, что ждет его впереди!» – по всей видимости, думал монах, судя по его довольной физиономии. Но мы оба шли вперед, не делясь своими мыслями, и поэтому нам, наверное, было легко в своем отчуждении. Самое удивительное, что я даже не задумывался, что монах говорит со мной на чистейшем русском языке. Или, захваченный своими галлюцинациями, я сам говорил с собой? Разобраться в этих посылах мне было трудно. Все мое существо сейчас превратилось в оголенные нервы, и только они были для меня поставщиком информации. Эмоционально насыщенной и, пожалуй, совершенно бессвязной. Главное – нестандартной! Но разве я понимал это тогда?

Споткнувшись в очередной раз, я попробовал осмыслить свой путь, и мне стало смешно. Я ведь никогда не велся на подобную фигню. А тут… С самого начала вся история была похожа на сон. Странный звонок, заставивший меня сорваться с места. Отец. Полковник. Загадочный рассказ о том, что раньше находилось за гранью моих представлений о жизни. Путешествие в Тибет. Эксцентричная спутница, которая, как мне казалось, знает все на свете…

Я споткнулся вновь и попробовал ругнуться, еле шевеля присохшим к небу языком. Монах задержался и укоризненно покачал головой.

– Твои мысли и чувства должны быть чисты! – бесстрастно прочитал он наставления.

«В голове моей копается, что ли? – подумал я. – Да не сомневаюсь я! Все это хоть и напоминает историю про Индиану Джонса[16 - Доктор Генри Уолтон «Индиана» Джонс-младший – вымышленный персонаж, герой серии приключенческих фильмов, многочисленных книг, комиксов и компьютерных игр. Персонаж был создан Стивеном Спилбергом и Джорджем Лукасом.], но все же касается моего отца. Так что, парень, я не соскочу, можешь не париться!»

Мне показалось, что монах одобрительно закивал, будто получил желаемый ответ на свои замечания. Или мне это только привиделось?

Мы задержались у источника. Измученный жаждой, я бросился к воде, но монах одернул меня, резко перейдя на свой родной язык. Такая смена возымела

действие – я застыл как манекен. Монах нагнулся и будто понюхал воду. Через несколько секунд он одобрительно кивнул головой, показывая, что ее можно пить. Я припал к струе. Странно! Холодная жидкость вливалась в мое порванное жаждой горло, но мука не пропадала. Конечно, я разозлился и наотмашь ударил струю. Монах все с тем же дежурным безразличием знаком запретил мне гневаться.

– Не надо! – голос ламы неестественно громко прозвучал в тишине долины. – Гнев разрушает! Ты должен сопротивляться ему!

Я не смог ничего ответить, только резко хохотнул и сказал:

– Не плюй в колодец – вылетит обратно!

Монах растянул губы в подобии улыбки, и я понял, что шутка ему понравилась. Это стало небольшой компенсацией за все пережитые муки – показалось, что общение хоть как-то налаживается.

В Катманду[17 - Катманду – столица Непала. Экономический и культурный центр страны. Расположен вдоль реки Багмати, в межгорной котловине Гималаев на высоте 1360 м. Климат муссонный, горный, тропический, средняя температура июля 24,5 °С, средняя температура января 18,3 °С; в год выпадает около 1,4 тыс. мм осадков. Влажность 70–80%. Подвержен землетрясениям (сильно пострадал в 1833 и 1934 годах). население 240 тыс. человек (1971, с пригородами).] мы с Лелей прибыли вечером. Я никогда здесь не был, зато Леля вела себя так, будто каждый день приезжает сюда на работу. Добрались до гостиницы и разошлись по номерам. Встретиться договорились через час – обсудить план действий.

Не успел я бросить сумку, как в дверь постучали. Решив, что это Леля и что она забыла сказать нечто важное, я не задумываясь открыл.

На пороге стоял монах в малиновом одеянии с желтой полосой на плече и широко улыбался.

Наши глаза встретились. Меня охватило непостижимое ощущение – словно энергия ламы золотистым шариком проникла внутрь меня и взорвалась там мягким беззвучным ударом, рассыпавшись на мириады искр.

Лама жестом показал, что я должен следовать за ним.

Я достал из кармана телефон, но монах закачал головой и показал более настойчиво, что нам нужно идти. Повернулся и поплыл по коридору. Я пошел за ним. Мы шли, но никто не обращал на нас внимания. Будто нас вовсе не было. Спустились на первый этаж, пересекли холл, и опять ни лакей, ни дежурный при входе даже не взглянули нам вслед. У меня возникло впечатление, что с того момента, как мой взгляд встретился с глазами ламы, для всех окружающих я стал невидимкой – они попросту перестали меня замечать. Как будто взрыв золотистой бомбочки внутри окружил мое тело непроницаемым для обычного человеческого взгляда экраном. Я чувствовал – все мои знания, все отношения, к которым я привык, все достижения и социальные статусы и даже личный жизненный опыт остались снаружи – за этим невидимым экраном. Там, где среди базарного дня кипит жизнь. А внутри… Внутри было беспомощное существо, потерявшее точку опоры, которому предстояло всему учиться заново и начинать жизнь с самого начала.

Словно ухватившись за тонкую ниточку последней надежды, я послушно брел за ламой. Мы вышли на окраину города, здесь началось наше восхождение в горы.

Солнце коснулось горизонта, и мы остановились на ночлег. «Добрый» монах обильно закидал камни пучками какой-то местной травы, которая воняла одновременно и серой, и пшеницей, и указал мне на это ложе аскета. Возмущаться было бесполезно, я лег и тут же почти потерял сознание. Где заночевал сам монах, я проследить не успел. Он будто испарился, а подтверждением того стало чувство одиночества. Глубокая грусть покинутого в вечности человека. Вы когда-нибудь ощущали такое? Согласитесь, момент не из приятных!

Сквозь полузабытье я вспоминал Лелю. Когда мы летели в Тибет, она говорила, что пройти подобное испытание можно и в Москве, не выходя из своего кабинета: организуй себе нехватку кислорода, увеличь дозу азота в воздухе и встань на беговую дорожку – через десять минут мозг сделает свое дело!

– Это доказано! Мы делали опыты на мышах. При повышении содержания в воздухе азота у них появлялись признаки тревоги, особи становились суетливыми, ухудшалась память. Они даже путь к кормушке забывали, и, что самое показательное, наши мышки переставали чувствовать боль. Не зря многие, кто пытался покорить гору Кайлас[18 - Кайлас – гора в одноименном

горном хребте в системе гор Гандисышань (Трансгималаи) на юге Тибетского нагорья (Китай). Верующие четырех религий – индуисты, буддисты, джайны и приверженцы бон – считают эту необычную гору «сердцем мира», «осью земли».], останавливались на полпути. Особенно пожилые. В их мозгу начинались необратимые процессы, и они очень быстро умирали.

– Так ты раскрыла тайну Тибета?

– Если бы! – печально вздохнула Леля. – Я всего лишь рассказываю, к чему тебе стоит готовиться.

Кто-то легонько ткнул меня в плечо! Я не сразу сообразил, кто передо мной, но про себя подумал: «Раз я что-то чувствую, значит, не все так плохо».

– Видишь эту долину? – монах обвел рукой по окружности. Довольно ровная площадка казалась такой только с первого взгляда. На самом деле она имела небольшое понижение к центру, что делало ее похожей на гигантскую сковородку. Вся территория была усыпана круглыми белыми камнями почти одинакового размера.

«Вот кому-то не лень было камушки подбирать», – успел подумать я, наступил на один из них и в ужасе отдернул ногу. Камень оказался человеческим черепом. Их здесь были миллионы. Отбеленные дождем и временем они покрывали «сковородку» ровным слоем.

– Это Долина смерти[19 - Долина смерти – находится на высоте 5680 м и расположена к северу от горы Кайлас.]! Ты проведешь здесь один день. То есть, возможно, один, а может быть…

– Что значит «возможно»?

– Для каждого отведен свой срок. Мы не знаем, что уготовано именно тебе. Поэтому ты должен быть готов ко всему, хотя если так будет, ты об этом даже и не узнаешь.

Монах говорил размеренно. Слова падали в тишину, как камни в песок. Его речь сквозила и мудростью, и безысходностью.

– Если ты выдержишь испытание, это будет первый шаг, который приблизит тебя к твоему отцу! Всего один день! Вопросы есть?

– Делать-то что?

Монах повернулся спиной и медленно побрел прочь.

– Медитируй! – бросил он через плечо.

Что такое медитация, я знал только из книг. «Нужно сесть в позу лотоса, то есть на попу и ноги скрестить, и что-то зажужжать. Кажется, так». Я уселся на камень, подражая йогам, положил руки на колени ладонями вверх и протяжно замычал. Мне не хватало воздуха, я кашлял, но все равно старательно выжимал из себя заунывные звуки.

И вот при очередном вокальном пассаже я получил такой душевный подзатыльник, что от испуга аж закашлялся. Старческая рука схватила меня за подбородок и потянула к себе.

– Да заткнись же ты! И здесь умереть спокойно не дают!

Передо мной стояла пожилая дама и сверху вниз взирала на меня! Кепка а-ля вождь пролетариата[20 - Кепка а-ля вождь пролетариата – получила в СССР особое значение, как «пролетарский» головной убор, что во многом связано с ее символическим значением: именно кепку использовал вождь мирового пролетариата В. И. Ленин для выражения единения с массами.] была нахлобучена на «партийное» каре. Рубаха, джинсы, шейный платок, стоптанные кеды, авоська через плечо – настоящая русская бабушка-боец!

– Совсем, что ли, одичал, на кладбище песни орешь!

– Извините, бабуля. Медитировал я. Надо мне.

– И это медитация – сидеть на камне и хрипеть что есть силы, как раненый сатир?

– Уж как умею! – оправдался я. – А откуда вы тут?

– Мы-то русские туристы. А вот ты откуда такой, певучий?

– Меня сюда привели!

– Меня тоже привели… Мои принципы и обстоятельства… – задумчиво сказала бабушка.

Оказалось, что бабушка вовсе не простая. Она – бывший партийный работник из Санкт-Петербурга, в Бога никогда не верила, но двадцать лет подряд возглавляла отдел контроля религий. «Был такой в те времена», – пояснила она. Недавно ей поставили страшный диагноз – рак. «И что мне было делать? Старость наступила, пенсия гроши, на лекарства не хватает. Я человек гордый и боевой, так уж воспитали. Унижаться не буду. Вот и приехала сюда, чтобы быстрее “концы отдать”. В Долину смерти за этим многие идут. Не зря же здесь недалеко известный паломнический маршрут проходит, вокруг горы Кайлас».

– Кости видел?

Я кивнул.

– Сюда ходят умирать йоги, они же идут за озарением, очищением и обретением тайного знания. Вот только возвращаются далеко не все и далеко не в том психическом состоянии, в котором уходили: считается, что в Долине смерти душа проходит своеобразный суд и грешная или бессмысленная жизнь здесь обрывается.

– Моя – не бессмысленная! – возразил с надеждой я.

– Но грешная – сто процентов! – ехидно улыбнулась прозорливая бабуля и окинула оценивающим взглядом мой мощный торс.

– Так, значит, я могу тут умереть?

– Москвич? – по-деловому коротко спросила бабуля.

Я кивнул.

– Значит, точно умрешь! – безжалостно заявила она, встала с камня и побрела в свою наспех построенную из травы и камней гробницу-жилище.

– Жестоко вы к москвичам! Сами-то тут давно? – окликнул я ее.

– Третий день пошел. Слышь, ты если быстрее туда попадешь, замолви словечко за меня, что столько мучить-то уже. Сама ведь пришла.

Я закивал головой, но, сообразив, на что подписался, стал мотать ею в разные стороны. Бабушка рассмеялась, и смех эхом прошелся по мертвой долине. Я решил, что это слуховые галлюцинации. Потом все неожиданно исчезло.

…Я захлебнулся водой, которую мне пытались влить в рот! Подскочил, пытаясь отплевываться. Передо мной стоял тот самый монах, который оставил меня тут.

– Вроде живой!

Улыбаясь раскосыми глазами, монах протянул мне фляжку.

Я пил воду, что-то радостно мыча.

– Это еще не все, – с явным удовольствием сказал монах. – «Суд совести» ты прошел! Теперь пора браться за дело.

– А я-то думал, что страсти закончились.

– Ишь чего захотел. Мы вообще считаем, что вы нас обманываете. Не может простой смертный из России взять и войти в сомати. Это наверняка ошибка или фальсификация. Но мы это легко проверим. Человек, который смог войти в сомати, сможет и испытание «малой смертью[21 - Испытание «малой смертью» – добровольное заточение у тибетских монахов с целью обрести духовную свободу.]» пройти.

– А что такое «малая смерть»? И неужели она бывает маленькой, большой или средней? До сих пор я думал, что существует только одна смерть, жестокая и беспощадная. И сейчас она подбирается к моему отцу.

Монах хмыкнул, показав, что это рассуждения дилетанта[22 - Дилетант – тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки, достаточных знаний.].

– Ты выйдешь за пределы царств жизни и смерти и перенесешься в далекое прошлое!

– Стоп! – встрепенулся я. – Хватит на мне эксперименты ставить. Я же не нахожусь в состоянии сомати. И не попаду туда никогда. Не знаю, что это такое, что здесь происходит, что такое Тибет! Отчего тут ходят русские бабки. И ни слова не понимаю из того, о чем ты говоришь. Я обычный человек и просто хочу помочь своему отцу! Я – сын!

Я сел на камень.

– Если так пойдет дальше, вы убьете меня!

Монах сел на корточки передо мной.

– Душа твоего отца находится там, куда мы тебя отправим, но сможешь ли ты вернуться, я не знаю. Уже в течение шести веков это не удавалось никому. Но если ты попробуешь, возможно, у тебя появится шанс помочь ему.

– Опять только шанс. Ну и подход у вас к бизнесу. В Москве за такие гарантии с любого голову бы сняли.

Монах поднялся.

– Нам надо идти в деревню. Пора готовиться.

И мы отправились в путь. Я шел, озираясь по сторонам, и все надеялся увидеть русскую бабушку. Поздороваться и спросить, как дела. Но ее нигде не было…

Подготовка к испытанию «малой смертью» проходила в храме Потала[23 - Потала – дворец в городе Лхаса в Тибете. Расположен на возвышающемся над городом высоком холме. Общая площадь дворцового комплекса составляет 360 тыс. кв. м. Сегодня дворец Потала является музеем, активно посещаемым

туристами, оставаясь местом паломничества буддистов и продолжая использоваться в буддийских ритуалах.]. Я узнал, что до меня его пытались пройти многие. Они были неслучайными людьми и долго готовились к церемонии и душой, и телом. О том, чем все закончилось, мне почему-то никто не говорил. Монахи только отводили глаза и настойчиво повторяли свои молитвы, а мне хотелось верить, что моим предшественникам все-таки повезло. Во время подготовки я понял, насколько трудно современному человеку усмирить свои мятущиеся из стороны в сторону мысли. Это ведь только на первый взгляд очень легко – думать о том, что чисто и свято. А вы хоть раз пробовали?! Уверяю, получится не сразу. Мне для этого пришлось поднапрячься. Хорошо еще, что помогали отвары из трав, которыми монахи от души дурманили меня. Тем более что другой еды они мне просто не давали. Меня заставляли медитировать, и в конце концов я уловил, в чем суть этого процесса. Я даже стал получать удовольствие, уходя в глубины подсознания. Порой я ловил себя на мысли, что голод и нехватка кислорода превратили меня в подопытную мышь— одну из тех, о которых рассказывала Леля. Но я гнал прочь все рождавшиеся страхи, ибо они были тоже под запретом. Наконец монахи решили, что я готов.

Место испытания находилось глубоко под землей, прямо под зданием храма. Мы шли туда темными узкими коридорами, сплетенными в нескончаемый лабиринт. Миновав его, мы оказались в древнем святилище, наверное, еще более древнем, чем вся наша цивилизация.

Дальше со мной пошли только три старца. Лишь потом я узнал, что это те, кому удалось вернуться. Эх, знал бы я это тогда, все было бы повеселее. А пока я пытался разглядеть их лица в дрожащем свете масляных ламп. Возможно, это были последние живые люди, которых я видел. Я воспротивился пессимизму и перевел мысли на позитивную волну – я подумал о море. Почему? Я очень любил воду! Мог часами наблюдать за прибоем и даже гостиницы в поездках выбирал исключительно с видом на реку.

Из приятных видений меня выдернул обжигающий холод. Он был какой-то неземной, тяжелый, плотный, непроницаемый. В тишине он казался почти осязаемым.

Но мы шли все дальше и дальше, все глубже и глубже уходя от поверхности земли. Наконец мы достигли огромной пещеры. Один из монахов стал что-то рассказывать мне, но я был настолько зачарован красотой окружавших меня

видений, что почти не слушал его. Золоченые стены были испещрены символами и иероглифами, причудливыми рисунками и барельефами. Огромные статуи смотрели на меня из полумрака мудрыми, почти живыми глазами, они будто тянули ко мне свои руки и звали меня к себе, в их фантастический неведомый мир. Я понял, что теряю контроль над своим существом. Сейчас мне это было страшно и приятно одновременно.

Оказалось, что мы пришли. Старший монах остановил меня жестом и произнес:

– Ты входишь в круг посвященных. Ты увидишь прошлое и узнаешь будущее. Испытание будет очень тяжелым. И ты можешь его не выдержать. Многие не выдерживали, многие умирали… Ты сможешь вернуться, только если пройдешь его. Готов ли ты? Согласен ли ты на это?

…Странная штука – современные люди. Знаете, какая мысль посетила меня в этот момент? Вот уж точно не про вечное и великое. К своему удивлению, я подумал: и где ваша логика, ребята? Тащить меня по всем этим темным проходам, мерзнуть, спотыкаться, и все ради того, чтобы спросить, готов ли я? А там, наверху, это нельзя было сделать? А что если я не готов?

Но это была последняя фривольная мысль в моей голове. Я почувствовал, что момент настал, и, поддаваясь настрою монахов, серьезно кивнул – я согласен!

Меня подвели к каменной плите и велели сесть в позу лотоса. Я сделал со своим телом все возможное. Монахи медленно удалялись из пещеры. Я ощутил прилив дикого ужаса – ужаса покинутого всеми существа, оставшегося один на один с прошлым, настоящим и будущим. Я остался один. Моя лампа вскоре погасла, и пещеру заполнила темнота, густая как нефть, черная и тягучая.

Я лег, стараясь дышать, как меня учили монахи. Не знаю, сколько времени я провел в этих упражнениях, но вдруг тело напряглось, запредельный холод обжег кожу, проник в мышцы, все глубже и ближе к сердцу. Оно билось все тише и тише, замерзая в этой доисторической могиле. Я понял, что так умирают…

****

Меня выбросило на берег. Я лежал на песке и дышал, будто только что проплыл стометровку. В легкие врывался теплый морской воздух, а ноздри щекотали приятные незнакомые запахи. Мышцы ныли на все лады, но, к моему удивлению, буквально через минуту напряжение прошло. Я стал приглядываться. Что-то странное присутствовало в окружающем пейзаже. Вроде море как море, но цвета не те, не наши. И солнце другое. Я залюбовался красотой этого мира: гигантские листья растений свисали над самой водой, замысловато изогнутые стволы поддерживали это буйство зелени, а золотистое сияние подкрашивало прибой. В дали на пляже я заметил семью. Меня они не видели, сидели на берегу и занимались своими делами. Мужчина что-то шептал на ухо девушке, которая улыбалась приветливо и беззаботно. У кромки воды носился ребенок, размахивая веткой и стараясь догнать убегающую волну. Люди тоже показались мне странными. На таком расстоянии я не мог различить их лица, но, когда они встали, понял, что передо мной исполины – девушка была ростом метра три, а мужчина около четырех.

Я смотрел на них как зачарованный. И, конечно же, вздрогнул, когда кто-то тронул меня за рукав. В следующий миг я вскочил – передо мной стояли два великана. Ростом они были метра четыре, а то и пять. Они дружелюбно смотрели на меня, а потом один из них жестом предложил последовать за ними. От них будто исходило добро, и, поддаваясь этому приятному ощущению, я сделал шаг…

Сначала я решил, что в грудь мне забили огромный гвоздь. А потом с бешеной силой стали тянуть за него. Я задохнулся, на моем лице отразилась мука, и великаны бросились ко мне, чтобы понять, в чем дело. Один из них дотронулся до моей груди, и меня потащило еще сильнее. Я понял, эта жуткая сила влечет меня в море! Незнакомцы схватили меня за руки, но бороться было бесполезно. Глаза их исказил ужас, я понял, что они ничем не могут помочь.

Меня тащило все глубже и глубже, пока свет дня не померк над головой… Я ощутил невыносимый холод и закашлялся…

Когда я поднялся, то почувствовал, что конечности онемели, пальцы ничего не чувствуют, а зрение почти пропало. От слабости и голода я шатался. Единственным желанием было поскорее выбраться из этой пещеры. Я плелся по нескончаемым переходам, пока не наткнулся на своего монаха. Его улыбка показалась мне самым лучшим подарком небес – я остался жив, я возвращался!

––

На обратном пути я решил задать ламе вопрос, который мучил меня с момента пробуждения.

– Я не встретил там отца. Может быть, это потому, что ему хорошо? И для чего ему тогда возвращаться?

Монах остановился и долго смотрел на закат.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Аэрофобия (лат. aerophobia, от др.-греч. ??? – «воздух» и ????? – «страх») – боязнь полетов на летательных аппаратах.

2

Танатолог – специалист по танатологии; занимается изучением смерти, ее причин, механизмов и признаков.

3

Образ Снегурочки – символ застывших вод. Это девушка (а не девочка), вечно юная и жизнерадостная языческая богиня, одетая только в белые одежды. никакой иной цвет в традиционной символике не допускается, хотя с середины XX века в ее одежде иногда стали использовать и голубые тона. ее головной убор – восьмилучевой венец, шитый серебром и жемчугом.

4

Матч-пойнт – последняя подача, которой может завершиться матч, игра; матчбол (обычно в теннисе).

5

Точка бифуркации – понятие из технического словаря; обозначает раздвоение: краткий момент, когда система непредсказуемым образом может изменить режим работы то ли в одну, то ли в другую сторону, после чего возврата к прошлому уже нет. Ситуация станет или одной, или другой. Применительно к психологии это момент, когда человек легко может что-то сделать либо не сделать; сделать одно либо сделать другое.

6

Аудит – проверка финансовой деятельности фирмы независимым ревизором (аудитором).

7

Фонендоскоп – медицинский прибор, применяемый для выслушивания тонов сердца, дыхательных шумов и др. звуков, возникающих в организме.

8

Чернобыль – город Киевской области Украины на реке Припяти, где в апреле 1986 года произошла авария на атомной электростанции.

9

Сомати – высшая форма медитации у тибетских йогов, при которой в результате длительной консервации человеческого организма тело переходит в «каменно-неподвижное состояние».

10

Медитация (от лат. meditatio – размышление) – тип упражнений по тренировке концентрации внимания, используемый в оздоровительных целях, для выработки контроля над течением своих мыслей и эмоций или для вхождения в особое религиозно-психическое состояние.

11

Homo Sapiens (лат.) – человек разумный.

12

«Комсомолка» – газета «Комсомольская правда».

13

Четвертое состояние воды – информационное; было обнаружено в конце второго тысячелетия. Гипотеза о воде как о некоей мыслящей инстанции, обменивающейся информацией с окружающим миром и даже со Вселенной.

14

Серебряная нить жизни – некоторый астральный орган, соединяющий после выхода астральное тело (флюидическое, эфирное) человека с его физическим телом. у большинства людей, владеющих out-of-body, нить идет от пупка, у некоторых она начинается на несколько сантиметров выше и левее селезенки, и очень редко исходная точка находится в области затылка или темени. Откуда бы ни выходила нить жизни, она всегда прикрепляется к тому же месту у фантома (призрака) этого же человека. Когда призрак находится рядом с физическим телом, толщина нити обычно не превышает сантиметра, по мере удаления астрального тела ее диаметр уменьшается. Серебряная нить жизни проходит вслед за призраком через любые материальные объекты и остается при этом слегка натянутой. По ней фантом может передавать информацию человеку.

Свойствам серебряных нитей жизни удовлетворяют так называемые глюонные нити, теоретически предсказанные физиками в рамках теории элементарных частиц (автор теории Л. Б. Окунь).

15

Глюонная нить жизни – «нить жизни», привязывающая душу к бренному телу. В 1981 году физик, член-корреспондент АН СССР Л. Б. Окунь в своей статье «Современное состояние и перспективы физики высоких энергий» в журнале «успехи физических наук» подвел под это понятие научную базу. Он утверждает, что нить жизни состоит из особых частиц – «глюонов» (от англ. «липучка»).

16

Доктор Генри Уолтон «Индиана» Джонс-младший – вымышленный персонаж, герой серии приключенческих фильмов, многочисленных книг, комиксов и компьютерных игр. Персонаж был создан Стивеном Спилбергом и Джорджем Лукасом.

17

Катманду – столица Непала. Экономический и культурный центр страны. Расположен вдоль реки Багмати, в межгорной котловине Гималаев на высоте 1360 м. Климат муссонный, горный, тропический, средняя температура июля 24,5 °С, средняя температура января 18,3 °С; в год выпадает около 1,4 тыс. мм осадков. Влажность 70–80%. Подвержен землетрясениям (сильно пострадал в 1833 и 1934 годах). население 240 тыс. человек (1971, с пригородами).

18

Кайлас – гора в одноименном горном хребте в системе гор Гандисышань (Трансгималаи) на юге Тибетского нагорья (Китай). Верующие четырех религий – индуисты, буддисты, джайны и приверженцы бон – считают эту необычную гору

«сердцем мира», «осью земли».

19

Долина смерти – находится на высоте 5680 м и расположена к северу от горы Кайлас.

20

Кепка а-ля вождь пролетариата – получила в СССР особое значение, как «пролетарский» головной убор, что во многом связано с ее символическим значением: именно кепку использовал вождь мирового пролетариата В. И. Ленин для выражения единения с массами.

21

Испытание «малой смертью» – добровольное заточение у тибетских монахов с целью обрести духовную свободу.

22

Дилетант – тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки, достаточных знаний.

23

Потала – дворец в городе Лхаса в Тибете. Расположен на возвышающемся над городом высоком холме. Общая площадь дворцового комплекса составляет 360 тыс. кв. м. Сегодня дворец Потала является музеем, активно посещаемым туристами, оставаясь местом паломничества буддистов и продолжая использоваться в буддийских ритуалах.

Купить: https://tellnovel.com/sivkov_evgeniy/kak-opozdat-na-sobstvennuyu-smert

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити